

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-150-160>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52+83.3(4Фра)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. А. В. Голубков
г. Москва, Россия

ЕВГЕНИЙ БАЗАРОВ И «ДОН ЖУАН»: К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗОВ, МОТИВОВ, НАРРАТИВНОГО СИНТАКСИСА

Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020 г.

Аннотация: Статья посвящена анализу образа Евгения Базарова и сюжетного «хода» романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева в сопоставлении с западноевропейской легендой о Дон Жуане, преимущественно в ее вариации, предложенной в XVII в. в комедии Мольера. Отправной точкой рассуждений оказывается фраза Базарова о том, что ему важно только лишь то, что «дважды два — четыре», которая оказывается схожа с репликой мольеровского Дон Жуана в споре со слугой Сганарелем. Анализируется статус концепта «дважды два четыре» в русской словесности середины XIX в. и возможность прямого или ненамеренного заимствования Тургеневым фразы из текста Мольера, а также имени возлюбленной героя (Анна) — из всего корпуса нарративов о Дон Жуане. Предлагается стратегия прочтения фабулы романа как разворачивания ключевых эпизодов, восходящих к легенде о Дон Жуане: анализируется архетипическое сродство образов Аркадия и Сганареля (а также Санчо Пансы), функциональность нарратива о дороге и мотива бунта, а также концептуальное сходство сцен смерти Дон Жуана и Базарова: герои умирают из-за вмешательства inferнального начала, представляющего в образе трупа. Высказывается предположение о том, что предшествующая литературная традиция послужила средством обработки насущного современного Тургеневу содержания, связанного с появлением социального типа нигилиста.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Отцы и дети», Мольер, Дон Жуан, нарратив, архетипы.

Информация об авторе: Андрей Васильевич Голубков — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>. E-mail: andreygolubkov@mail.ru

Дата получения статьи: 13.05.2020

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Голубков А. В. Евгений Базаров и «Дон Жуан»: к проблеме образов, мотивов, нарративного синтаксиса // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 150–160. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-150-160>

Я, разумеется, не читал всех «Дон-Жуанов» мировой литературы. В тех, которые мне читать приходилось, Дон-Жуаны все-таки разные. Конечно, буафория у всех либо совершенно одна и та же, либо очень сходная.
И. А. Бунин. Русский Дон Жуан

В 9-й главе романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) рассказывается о споре Аркадия Кирсанова с Евгением Базаровым, в ходе которого последний прибегает к показательной ремарке, объясняющей его «символ веры», т. е. то, что ему *важно*, в отличие от *пустяков*:

— Я начинаю соглашаться с дядей, — заметил Аркадий, — ты решительно дурного мнения о русских.

— Эка важность! Русский человек только тем и хорош, что он сам о себе прескверного мнения. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки [14, т. 7, с. 43].

То, что важно, определяется Базаровым через математическую формулу, которая оказывается логическим тавтолизмом, констатацией самоочевидности (вспомним фразеологизм «ясно, как дважды два») и вместе с тем становится ярким симптомом материалистических воззрений того, кто ее произнес. В приведенном ответе Базарова фраза эта не вытекает из предыдущей, без нее, собственно, можно обойтись, она оказывается не столько продолжением высказывания о русском мужике, сколько уже выражает мировоззренческую основу, *sed*о нигилистского сознания Базарова. Символ веры нигилиста и атеиста сведен именно к банальности, элементарному математическому действию: Базаров противопоставляет себя русским мужикам и высказывается о том, что же ему в действительности представляется экзистенциальной основой («а остальное все — пустяки»).

Концепт «дважды два», заметим, интересовал И. С. Тургенева до и после «Отцов и детей». В романе «Рудин» (1855) рассуждение о «дважды два» появляется в весьма мизогинном контексте споров о природе ошибки и заблуждения: «Кто говорит! и я ошибаюсь; мужчина тоже может ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вот какая: мужчина может, например, сказать, что дважды два — не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два — стеариновая свечка» [14, т. 5, с. 214]¹. В этих рассуждениях Африкана Семеновича именно мужчине при помощи «дважды два» приписана сама способность рассуждать и заблуждаться, т. е. право быть рациональным, женщина же такой возможности лишена изначально исходя из своей природы. Особенно важным для нашего контекста оказывается позднее стихотворение И. С. Тургенева «Молитва» (1881), в котором рассуждение о «дважды два» появляется, как и в случае с романом «Отцы и дети», именно в контексте символа веры, при этом именно отрицание математического закона предстает свидетельством истинно религиозного сознания:

¹ Интересно высказывание Ап. Григорьева по этому поводу в сочинении «Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу»: «Не отступаясь поэтому несколько от права предполагать в моих читателях способность мыслить, следить за развитием чужой мысли, я, в настоящем случае, постараюсь только, сколько возможно, избегать сжатых формул и терминов философии тождества, но счел бы грехом заменять их резонерством. Резонерство решительно противно всякому, чье мышление осиливает истины хоть немного более сложные, чем $2 \times 2 = 4$. Есть мышления, да и не женские только, — вы этого, к сожалению, не договорили, — в которых 2×2 дают не 4, а стеариновую свечку» [3, с. 29].

О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: «Великий боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре!».

Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу. Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному богу — невозможно и немислимо.

Но может ли даже личный, живой, образный бог сделать, чтобы дважды два — не было четыре? Всякий верующий обязан ответить: *может* — и обязан убедить самого себя в этом [14, т. 10, с. 172].

Написанное два десятилетия спустя романа «Отцы и дети», стихотворение будто продолжает заявленную базаровским восклицанием тему; при этом сама реплика нигилиста противопоставлена «настоящей молитве» и истинной иррациональной вере, которая как раз и состоит в том, чтобы уяснить, что Бог в состоянии сделать так, чтобы дважды два не было четыре. Размышления о статусе концепта «дважды два» в отечественной классической литературе приводят нас к истории вопроса, который в настоящее время в отечественной филологической традиции изучен неплохо, в качестве яркого примера исследований такого рода можно упомянуть работы А. Дуккон [7] и Ю. Н. Сытиной [15; 16; 17] как наиболее фундаментальные. В частности, Сытиной подробно описаны примеры бытования формулы в русской прозе середины XIX в.: исследовательница делает вывод о том, что «она начинает бытовать в 1830-е гг.». Будучи «антитезой рационалистической философии», формула встречается в текстах В. Ф. Одоевского (в повестях «Княжна Мими», «Привидение». «Косморама», в романе «Русские ночи») [17, с. 132]. А. Дуккон указывает на непоследовательность аксиологии И. С. Тургенева, который использует формулу в самых разных аспектах (скажем, в статье 1844 г. о переводе «Фауста»): «... молодой Тургенев то решает вопрос в пользу “реализма” ($2 \times 2 = 4$), то как раз наоборот, формула сигнализирует у него посредственность, прозаическую ограниченность или боязнь жизни и любви» [7, с. 61]. В те же 1840-е гг. (т. е. еще до «Рудина») в разговорах и переписке с В. Г. Белинским И. С. Тургенев использует заявленную формулу, А. Дуккон по этому поводу справедливо отмечает, что под выбором между «дважды два — четыре» и «дважды два — пять» Тургеневым и Белинским «следует понимать “реализм” и “романтизм” в широком смысле слова» [7, с. 60]. Венгерская исследовательница именно с духовными исканиями Белинского последовательно в ряде статей² связывает появление формулы в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья», изданной в 1864 г., т. е. спустя два года после тургеневских «Отцов и детей» (очевидно, именно это ее употребление стало самым известным в истории отечественной словесности): «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещичка» [9, с. 119]. В. Н. Захаров убедительно показывает, что на «подпольного человека» оказал влияние и спор Достоевского с Н. Н. Страховым во время их пребывания во Флоренции в 1862 г. (в том же году вышел роман «Отцы и дети»): «Достоевский вернулся к спору через полтора года в “Записках из подполья”. Философский под-

² А. Дуккон обращает внимание на решающее влияние Тургенева на изменение отношения Белинского с «дважды два — четыре»: «При сопоставлении отношения Достоевского и Белинского к проблеме безличности представляется очень интересными наблюдения над одним и тем же мотивом у обоих: это $2 \times 2 = 4$. Белинский в письме к Боткину (1843 г.) говорит о том, что разговоры с Тургеневым оказали на него отрезвляющее влияние: «Тургенев поразил меня нечаянно, сказавши к слову, что Гегель где-то выразился, что дельный человек тот, кто коли видит, что $2 \times 2 = 4$, так и ставит 4, а пустой (прекрасная душа) тот, кто хоть и видит, что $2 \times 2 = 4$, а все норовит, как (бы) поставить 5 или 10. До сих пор вся жизнь моя протекла в том, что я видел и понимал, что $2 \times 2 = 4$, а ставил 5» [8, с. 15]. См. также: [5; 6].

текст и контекст повести изучен основательно, но не выявлена полемика Достоевского со Страховым. Именно ему адресованы многие упреки подпольного парадоксалиста» [9, с. 111].

Вернемся к высказыванию Базарова, которое было созвучно эпохе и во многом отражало эпистемологические основания культуры, его породившей. Толкование именно такой формулировки символа веры тургеневского героя может проходить в двух направлениях: так сказать, «почвенническом», в котором учитываются преимущественно русские культурные стереотипы, и «универсалистском», при котором на первый план выходит анализ сходства языков русской и иных цивилизаций и диагностирование общих, архетипических, оснований культуры. Фундированные статьи Ю. Н. Сытиной предстают ярким примером первого рода, процитируем в этой связи аннотацию к статье «О бытовании формулы...»: «Анализ произведений русских писателей показывает, что $2 \times 2 = 4$ становится для них символом рациональности; $2 \times 2 = 5$ — тем нарушением очевидности, за которым скрывается иррациональное восприятие мира, вера в Божий промысел о человеке. По сути своей эта оппозиция имеет глубокие корни в русской культуре и восходит к представлениям о Законе и Благодати» [17, с. 128]. Мы планируем представить расширительное толкование реплики Базарова, связав ее не столько с русским контекстом 1840–1870-х гг. и религиозными основаниями отечественной культуры, сколько с западноевропейскими экзистенциальными исканиями, коим И. С. Тургенев, снискавший славу «русского европейца», был, безусловно, не чужд. Сытина отмечает тот факт, что схожая фраза была вложена в уста ключевого европейского «вечного» героя Дон Жуана, культовой фигуры мифологии Нового времени; мы ставим цель развить именно эти наблюдения.

Фраза, произнесенная Базаровым, действительно оказывается парадоксально близка формулировке Дон Жуана во французском изводе сюжета, созданном в XVII в.: в начале 3 действия комедии «Дон Жуан, или Каменный гость» («Don Juan ou le Festin de Pierre», 1665 г.) Мольера главный герой так беседует со своим слугой Сганарелем:

Дон Жуан. Во что я верю?

Сганарель. Да.

Дон Жуан. Я верю, Сганарель, что дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь.

Сганарель. Хороша вера и хороши догматы! Выходит, значит, что ваша религия — это арифметика? [11, с. 130].

Пьеса Мольера была поставлена 15 февраля 1665 г. в театре Пале-Рояль. Укажем, что при жизни Мольера она шла лишь пару месяцев, после чего представления прекратились. С 1677 г. демонстрировалась версия, переработанная Томá Корнелем (младшим братом Пьера Корнеля, известного французского трагедиографа), в которой математический «символ веры» отсутствовал. Мольеровский оригинал вернулся в репертуар лишь в 1847 г., вызвав шумную и неоднозначную реакцию (вспомним, что в 1848 г. Тургенев жил в Париже, и информация о мольеровском «исходнике» и корнелевских правках была в его распоряжении). М. С. Неклюдова справедливо отмечает: «Математические выкладки современники Мольера и его позднейшие исследователи восприняли однозначно, как признание в атеизме. В правильности такой интерпретации сомневаться не приходится (вопрос Сганареля предполагает изложение “символа веры”)» [13, с. 9]. Большинство комментаторов мольеровского текста обыкновенно указывают на возможные истоки донжуановской реплики, которая свидетельствует

о философской, экзистенциальной подоплеке разврата. Анализируя предполагаемые источники Мольера, Неклюдова справедливо указывает на пассаж из главы «Апология Раймунда Сабундского» «Опытов» (II, 12) М. Монтеня, в которых приводятся размышления о природе богов. Монтень, цитируя в свою очередь Плиния Старшего, приводит аргумент, концептуально идентичный донжуановскому и базаровскому:

Если в происходящих теперь религиозных спорах вы станете теснить своих противников, то они прямо скажут вам, что не во власти бога сделать так, чтобы его тело находилось одновременно и в раю, и на земле, и в нескольких разных местах. А как ловко пользуется этим аргументом наш древний насмешник! «Для человека, — говорит он, — немалое утешение видеть, что бог не все может: так, он не может покончить с собой, когда ему захочется, что является наибольшим благом в нашем положении; не может сделать смертных бессмертными; не может воскресить мертвого; не может сделать жившего нежившим, а того, кому воздавались почести, не получавшим их, — так как он не имеет никакой иной власти над прошлым, кроме забвения». Наконец — чтобы довершить это сравнение с богом забавным примером — он добавляет, что бог не может сделать, чтобы дважды десять не было двадцатью. Вот что он говорит! [12, с. 473].

Среди иных возможных первоисточников фразы — насыщенные анекдотами и занимательными историями “Historiettes” французского мемуариста Ж. Таллемана де Рео (1619–1692)³, который в 1657–1659 гг. зафиксировал такой анекдот: «Рассказывают, что одного немецкого принца, сильно приверженного математике, при смерти исповедник спросил, верит он или нет, и прочее. “Мы, математики, — отвечал тот, — верим, что два и два — четыре, а четыре и четыре — восемь”» [22, с. 226]. Таллеман де Рео не называет имени принца и указывает его немецкое происхождение, однако многие приписывали реплику Морицу Нассау. Первое издание “Historiettes” Таллемана де Рео под редакцией Л. Ж. Н. Монмерке появилось во Франции в 1834 г., переиздание последовало в 1840 г. В 1840-е гг. данный текст был популярен, и Тургенев, безусловно, слышал о нем и знал его; нельзя исключать и наличие рукописной копии Таллемана в России; об этом убедительно пишет Ю. М. Лотман: «...отказываться от гипотезы существования в Москве списка мемуаров Таллемана де Рео и знакомства Пушкина с этим списком нет достаточных оснований» [10, с. 354]. Ю. М. Лотман, обнаруживший цитаты из Таллемана де Рео у А. С. Пушкина (в текстах, написанных еще до парижского издания 1834 г.) и И. И. Дмитриева, признавал безусловную необходимость учета возможного влияния этого автора на русскую словесность. Интерес Тургенева к образам и сюжетным ходам, связанным с Дон Жуаном, может быть объяснен и косвенным влиянием Полины Виардо, знакомство с которой состоялось в 1843 г., в том же году Полина пела арию крестьянки Церлины из оперы Моцарта «Дон Жуан, или Наказанный развратник» (1787) в Москве на казенной итальянской сцене. Нельзя исключать и «эффект», произведенный «Каменным гостем» Пушкина (1830).

Есть ли в Базарове донжуановский «фундамент» или же схожесть произнесенными обоими героями «символов веры» случайна и связана исключительно с внутренними обстоятельствами культур — французской и русской? Интерес Тургенева к донжуановым сюжетным поворотам замечен в повести «Три портрета» (1846), главного героя которой, Василия Лучинова, сопоставляли с Дон Жуаном уже современники Тургенева. Ап. Григорьев замечал: «Василию Лучинову я придаю особенную важность потому, что в этом лице старый тип Дон Жуана, Ловласа и т. д. принял впервые наши русские,

³ Т. Г. Хатисова справедливо замечала: «“Занимательные истории” Таллемана де Рео, рисующие жизнь французского общества, так сказать, с “заднего крыльца”, явились своеобразным и существенным дополнением к другим мемуарам XVII в.» [19, с. 259].

оригинальные формы» [14, т. 4, с. 573]. Данный исследовательский сюжет лег в основу статьи Т. А. Богумил, которая провела тонкое сопоставление традиционного нарратива о Дон Жуане и повести Тургенева, в результате которого пришла к следующим выводам: «Можно констатировать, что круг “вечных образов”, составляющих предмет рефлексий И. С. Тургенева, вовлечен, помимо Гамлета и Дон Кихота, Дон Жуан. Легендарные типажи помещены в иные социально-исторические условия» [2, с. 49]. Богумил предлагает методологию исследования, которая нам кажется продуктивной: абстрагируясь от имен и сюсюминутных реалий, рассмотреть «матрицы» нарратива, которые в каждой культуре могут наполняться (так сказать, одеваться или упаковываться) собственными обстоятельствами и своеобразным материалом. Такие декоративно своеобразные на периферии нарративы в своем ядре восходят к одному и тому же образному архетипу и «синтаксису», т. е. к одной схеме разворачивания повествования, надавторскому «ходу», памятью традиции, во многом «ведущей» сознание и руку автора. При этом генерализирующем подходе ядро сюжета о Базарове — легенда о Дон Жуане, преимущественно в его мольеровском прочтении, а «дважды два» в качестве «символа веры» оказывается удачным поводом для определения нарратологической базы истории. Основание это Тургеневым могло быть выстроено намеренно, а могло сложиться в результате неосознанных конфигураций.

Сопоставление *образа* (или «облика») Евгения Базарова с Дон Жуаном, пусть и опосредованное, оказывается предметом статьи А. В. Федорова, сблизившего Базарова с главным героем драматической поэмы А. К. Толстого «Дон Жуан», изданной в том же, что и «Отцы и дети», 1862 г. А. В. Федоров, подчеркивая тот факт, что оба героя воплощают черты нигилиста, отмечает: «И Дон Жуан, и Базаров противопоставлены окружающим и над ними возвышены незаурядностью и мощью своих натур, умом и волей, богатством своих дарований. При этом они трагически одиноки, их возможности не приносят пользы, таланты не делают их счастливыми. (Даже имена их возлюбленных удивительным образом совпадают: Анна Сергеевна Одинцова и донна Анна). Оба героя отрицают духовный смысл человеческой жизни» [18, с. 60–61]. Идентичность имен возлюбленных Дон Жуана и Базарова оказывается еще одним символическим совпадением.

Отметим удивительную *пластичность* образа Дон Жуана. В. Е. Багно замечает: «... миф о Дон Жуане — миф о возмездии. Возмездии за что? Конечно же не за обольщение женщин» [1, с. 7]. Вспомним, что в тексте А. К. Толстого Дон Жуан уже не соблазнитель и не разнузданный циник-подлец, при этом отсутствие эпизодов соращения женщин *не отнимают* у Дон Жуана его имени, так как сюжетное ядро этого древнего нарратива не обольщение женщин, но бунт и следующее за ним inferнальное возмездие. Вспомним вновь сюжетную схему Мольера: Дон Жуан со своим слугой Сганарелем колесит по городам и весям, как Дон Хуан в драме Тирсо де Молины со своим слугой переезжает, меняя города (Неаполь, Тетрагона, Севилья...). Рассказ о Дон Жуане в таком классическом изводе оказывается нарративом *дороги*, по которой бредут герой-бунтарь, носитель вопиющего, относящегося к реалиям конкретной эпохи отклонения, и его «слуга» — воплощение здравого смысла, укорененный в земное бытие. Архетипически мольеровский Сганарель идентичен при таком подходе Санчо Пансе, чье имя переводится как Святое Брюхо, и вспомним здесь финальные строки мольеровской пьесы: Дон Жуан устремляется в разверстый ад, а его слуга протягивает к нему руки, прося заплатить жалование. Приземистый, коренастый Санчо Панса составляет пару устремленному вверх сухопарому Дон Кихоту, образуя вместе с ним почти эмблема-

тический образ, сводящий бунтарский порыв с «земным». Архетипическим аналогом Станареля и Санчо Пансы в тексте «Отцов и детей» мог бы выступить Аркадий Кирсанов, олицетворяющий «земную правду», противопоставленную нигилизму Базарова, всецело увлеченному идеей отрицания.

Следствием разворачивания в романе нарративной конструкции «донжуановского» типа оказывается сцена смерти Базарова. Классическая, воспроизведенная в том числе и в комедии Мольера «донжуановская схема» предполагает открытое противостояние с мертвым Командором — *трупом*, который Дон Жуана *забирает с собой* в преисподнюю. Схожая, практически идентичная, сюжетная логика заметна в финале «Отцов и детей». Вспомним, что «мужичок соседней деревни» привез к Базаровым несчастного брата, который от тифа «так и умер в телеге», впоследствии Евгений отправился вскрывать труп, который стал причиной гибели (глава 26). В обоих случаях мы видим концептуальное родство двух смертей: герой-бунтарь, противостоящий обществу и бросающий вызов как земным, так и небесным силам, оказывается побежден вмешательством извне. Вспомним опять в этой связи размышления В. Е. Багно: «Миф о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп, и преданий о севильском оболъстителе <...>. Вопреки распространенному мнению, основой для мифа послужила главным образом легенда об оскорблении черепа, а рассказы о распутном дворянине несли лишь вспомогательную функцию» [1, с. 6]. И далее: «Дон Жуана ждет кара за надругательство над мертвым» [1, с. 7].

Архаическая основа сюжета В. Е. Багно и Р. Шульцем [20] связывается с «книдским мифом» — легендой о статуе Афродиты на острове Книд, которая мстит своему осквернителю. Столетия, подобно полирующим камни волнам, привнесли в эту основу дополнительные смыслы, одежды и декорации («бутафорию», по замечанию И. А. Бунина, вынесенному в эпиграф), однако мотив inferнальной мести бунтарю, отрицающему сложившийся духовный порядок, оказывается едва ли не сильнее авторской воли. Можно предположить, что Тургенев как раз и не мог оставить в живых главного героя, так как уже не он «вел» своего героя, но сложившаяся в веках нарративная традиция. Нельзя, разумеется, говорить о несамостоятельности Тургенева, мастерски представившего актуальный социальный тип нигилиста в современных ему реалиях, однако нарративный синтаксис романа свидетельствует скорее о вечности универсальных вопросов бытия, к которым неизменно возвращается культура, а также ее языков — устойчивых образов и «ходов», к которым прибегает человеческое сознание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Багно В. Е. Расплата за своеволие, или воля к жизни // Миф о Дон Жуане. СПб.: Corvus, 2000. С. 5–22.
- 2 Богумил Т. А. Повесть И. С. Тургенева «Три портрета» как вариация сюжета о Дон Жуане // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 43–51.
- 3 Григорьев А. П. Сочинения. М.: И. Н. Кушнерев и К., 1915. Вып. 11. 61 с.
- 4 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 407 с.
- 5 Дуккон А. К вопросу о некоторых проблемах оценки расхождений между Достоевским и Белинским // Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae. 1982. № 15. С. 67–84.
- 6 Дуккон А. Жизнь и литературная фикция в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского (Достоевский и Белинский) // Dissertationes Slavicae XVIII. Szeged, 1986. P. 185–207.

- 7 *Дуккон А.* Дважды два четыре или пять? Проблемы романтизма и реализма в понимании молодого Тургенева и Белинского // И. С. Тургенев. Жизнь, творчество, традиции. Budapest: Tankönyvkiadó, 1994. С. 60–68.
- 8 *Дуккон А.* Диалог текстов: «голос» В. Г. Белинского в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2013. № 1 (14). С. 4–28.
- 9 *Захаров В. Н.* Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
- 10 *Лотман Ю. М.* Пушкин и «Historiettes» Таллемана де Рео // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 350–354.
- 11 *Мольер.* Дон Жуан, или Каменный гость // *Мольер.* Полн. собр. соч.: в 3 т. М.: Искусство, 1986. Т. 2. С. 99–160.
- 12 *Монтень М.* Опыты: в 2 т. М.: Терра, 1996. Т. 1. 719 с.
- 13 *Неклюдова М. С.* Дважды два четыре, или математическая проблема в «Дон Жуане» Мольера // Мировое древо / Arbor mundi. 2007. № 13. С. 9–40.
- 14 *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 4. 687 с. М.: Наука, 1980. Т. 5. 543 с. М.: Наука, 1981. Т. 7. 559 с. М.: Наука, 1982. Т. 10. 607 с.
- 15 *Сытина Ю. Н.* «Дважды два — математика. Попробуйте возразить»: возражения Достоевского и русской классики // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб.: Серебряный век, 2018. № 36. С. 47–55.
- 16 *Сытина Ю. Н.* О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник РХГА. 2019. Т. 20, № 2. С. 287–299.
- 17 *Сытина Ю. Н.* О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. Т. 1, № 1. С. 128–147. DOI:10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147
- 18 *Федоров А. В.* Дон Жуан и Евгений Базаров (Драматическая поэма А. К. Толстого «Дон Жуан» и роман И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 59–71.
- 19 *Хатисова Т. Г.* Жедеон Таллеман де Рео и его «Historiettes» // *Таллеман де Рео Ж.* Занимательные истории. Л.: Наука, 1974. С. 258–275.
- 20 *Шульц Р.* Пушкин и Книдский миф. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1985. 134 с.
- 21 *Dukkon Á.* Arcok és álarok. Dosztojevskij és Belinszkij. Budapest: Tankönyvkiadó, 1992. 249 p.
- 22 *Tallemant des Réaux G.* Historiettes. Paris: Gallimard, 1960. Т. I. XXXII–1374 p.

© 2021. Andrey V. Golubkov
Moscow, Russia

**YEVGENY BAZAROV AND “DON JUAN”:
TOWARDS THE ISSUE OF IMAGES, MOTIFS, AND NARRATIVE SYNTAX**

Acknowledgements: This paper was supported by Humanitarian Research Foundation of the dep. of Humanities, HSE University in 2020, Project “Translation and transfer: Western literature in the Mirror of Russian Culture (17–21 cs.)”.

Abstract: The paper examines the character of Yevgeny Bazarov and the plot structure of Ivan Turgenev’s novel *Fathers and Sons* versus a Western European legend of Don Juan — mostly in the version proposed by Molière in his 17th-century comedy. Bazarov’s phrase, “Two and two make four. Nothing else matters,” becomes a starting point for discussion, being compared to the response that Molière’s Don Juan gives in a dispute with his valet Sganarelle. The author analyzes the status of “two and two make four” concept in Russian literature of the 19th century and evaluates the chances that Turgenev borrowed the phrase from Molière’s play and the name of protagonist’s beloved (Anna) from the whole body of Don Juan narratives, whether directly or unintentionally. The study puts forwards a strategy for interpreting the novel plot as an unfolding of key events ascending to the legend of Don Juan. It includes addressing archetypal similarity of Arkady and Sganarelle (as well as Sancho Panza), along with functionality of the road narrative, riot motif, and conceptual congruence between the deaths of Don Juan and Bazarov, both dying as a result of somewhat infernal, cadaver-mediated interference. The paper makes an assumption that the preceding literary tradition served for Turgenev as a tool for processing a contemporary content, dealing with the emergence of a nihilist as a new social type.

Keywords: I. S. Turgenev, *Fathers and Sons*, Moliere, Don Juan, narrative, archetypes.

Information about the author: Andrey V. Golubkov — DSc in Philology, Professor, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St. 20, 101000 Moscow, Russia; Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya, 25a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>. E-mail: andreygolubkov@mail.ru

Received: May 13, 2020

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Golubkov A. V. Yevgeny Bazarov and “Don Juan”: towards the issue of images, motives, and narrative syntax. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 150–160. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-150-160>

REFERENCES

- 1 Bagno V. E. Rasplata za svoevolie, ili volia k zhizni [Payback for self-will, or the will to live]. In: *Mif o Don Zhuane* [The Myth of Don Juan]. St. Petersburg, Corvus Publ., 2000, pp. 5–22. (In Russian)
- 2 Bogumil T. A. Povesť I. S. Turgeneva “Tri portreta” kak variatsiia siuzheta o Don Zhuane [The story of I. S. Turgenev “Three portraits” as a variation of the plot about Don Juan]. *Kul'tura i tekst*, 2019, no 1 (36), pp. 43–51. (In Russian)
- 3 Grigor'ev Ap. *Sochineniia* [Works]. Moscow, I. N. Kushnerev i K. Publ., 1915. Vol. 11. 61 p. (In Russian)
- 4 Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 5. 407 p. (In Russian)
- 5 Dukkón A. K voprosu o nekotorykh problemakh otsenki raskhozhdenii mezhdu Dostoevskim i Belinskim [On the issue of some problems with estimating discrepancies between Dostoevsky and Belinsky]. *Acta Universitatis Szegediensis. Dissertationes Slavicae*, 1982, no 15, pp. 67–84. (In Russian)
- 6 Dukkón A. Zhizn' i literaturnaia fiktsiia v “Zapiskakh iz podpol'ia” F. M. Dostoevskogo (Dostoevskii i Belinskii) [Life and literary fiction in “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky (Dostoevsky and Belinsky)]. In: *Dissertationes Slavicae XVIII, Szeged*, 1986, pp. 185–207. (In Russian)

- 7 Dukkon A. Dvazhdy dva chetyre ili piat'? Problemy romantizma i realizma v ponimanii molodogo Turgeneva i Belinskogo [Two times two, four or five? Problems of Romanticism and realism in the understanding of the young Turgenev and Belinsky]. In: *I. S. Turgenev. Zhizn', tvorchestvo, traditsii* [I. S. Turgenev. Life, creativity, traditions]. Budapest, Tankönyvkiadó Publ., 1994, pp. 60–68. (In Russian)
- 8 Dukkon A. Dialog tekstov: “golos” V. G. Belinskogo v “Zapiskakh iz podpol'ia” F. M. Dostoevskogo [Dialog of texts: “the voice” by V. G. Belinsky in “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky]. *Kul'tura i tekst*, 2013, no 1 (14), pp. 4–28. (In Russian)
- 9 Zakharov V. N. Skol'ko budet dvazhdy dva, ili Neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoevskogo [How many will be two times two, or the Non-obviousness of the obvious in Dostoevsky's poetics]. *Voprosy filosofii*, 2011, no 4, pp. 109–114. (In Russian)
- 10 Lotman Iu. M. Pushkin i “Historiettes” Tallemana de Reo [Pushkin and “Historiettes” by Tallemann de Reo]. In: Lotman Iu. M. *Pushkin* [M. Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995, pp. 350–354. (In Russian)
- 11 Mol'er. Don Zhuan, ili Kamennyi gost' [Don Juan, or the Stone Guest]. In: Mol'er. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete works: in 3 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, vol. 2, pp. 99–160. (In Russian)
- 12 Monten' M. *Opyty: v 2 t.* [Experiments: 2 vols.]. Moscow, Terra Publ., 1996. Vol. 1. 719 p. (In Russian)
- 13 Nekliudova M. S. Dvazhdy dva chetyre, ili matematicheskaia problema v “Don Zhuane” Mol'era [Twice two four, or a mathematical problem in Moliere's *Don Juan*]. *Mirovoe drevo / Arbor mundi*, 2007, no 13, pp. 9–40. (In Russian)
- 14 Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.] Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 4. 687 p. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 5. 543 p. Moscow, Nauka Publ., 1981. Vol. 7. 559 p. Moscow, Nauka Publ., 1982. Vol. 10. 607 p. (In Russian)
- 15 Sytina Iu. N. “Dvazhdy dva — matematika. Poprobuite vozrazit'”: vozrazheniia Dostoevskogo i russkoi klassiki [“Two times two is math. Try to object”: objections of Dostoevsky and Russian Classics]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura: Al'manakh* [Dostoevsky and world culture: an Anthology]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2018, no 36, pp. 47–55. (In Russian)
- 16 Sytina Iu. N. O nekotorykh osobennostiakh “arifmetiki” Dostoevskogo [On some features of Dostoevsky's “arithmetic”]. *Vestnik RKhGA*, 2019, vol. 20, no 2, pp. 287–299. (In Russian)
- 17 Sytina Iu. N. O bytovanii formuly “ $2 \times 2 = 4$ ” v russkoi klassike i o ee vozmozhnykh istokakh [On the existence of the formula “ $2 \times 2 = 4$ ” in the Russian classics and its possible origins]. *Dva veka russkoi klassiki*, 2019, vol. 1, no 1, pp. 128–147. DOI:10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147 (In Russian)
- 18 Fedorov A. V. Don Zhuan i Evgenii Bazarov (Dramaticheskaiia poema A. K. Tolstogo “Don Zhuan” i roman I. S. Turgeneva “Ottsy i deti”) [Don Juan and Evgeny Bazarov (A. K. Tolstoy's dramatic poem “Don Juan” and I. S. Turgenev's novel “Fathers and Children”)]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2018, no 44, pp. 59–71. (In Russian)
- 19 Khatisova T. G. Zhedeon Talleman de Reo i ego “Historiettes” [Gideon Tallemann de Reo and his “Historiettes”]. In: Talleman de Reo Zh. *Zanimatel'nye istorii* [Entertaining stories]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 258–275. (In Russian)

- 20 Shul'ts R. *Pushkin i Knidskii mif* [Pushkin and the Knid Myth]. Miunkhen, Wilhelm Fink Verlag Publ., 1985. 134 p. (In Russian)
- 21 Dukkon Á. *Arcokés álarcok. Dosztojevszkij és Belinszkij* [Faces and masks. Dostoyevsky and Belinsky]. Budapest, Tankönyvkiadó Publ., 1992. 249 p. (In Hungarian)
- 22 Tallemant des Réaux G. *Historiettes* [Stories]. Paris, Gallimard Publ., 1960. Vol. I. XXXII–1374 p. (In France)